

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

*Ованнес Никогосян**

«На государственные границы... нельзя больше смотреть как на водонепроницаемую ограду для военных преступников или организаторов массовых убийств»¹.

Кофи Аннан (1998),
Генеральный секретарь ООН

Все виды миротворчества, инициированные Советом Безопасности ООН до настоящего времени, обходили стороной, пожалуй, одну из самых главных основ современной дискуссии о праве (бесправии) вмешательства во внутренние дела государств – комплекс «суверенитета». Поскольку львиная доля этих операций в период 1945-1990гг. приходится на санкции СБ ООН, страны-члены сделали все, чтобы избежать каких-либо разночтений своих решений и мандатов в вопросе ущемления суверенитета целевой страны. В наиболее общих чертах эти операции проходили по двум сценариям: а) миротворцы размещались по согласию самих конфликтующих сторон, что само собой снимало ограничения Ст. 2 (4) Устава ООН; б) резолюции по положениям Главы VII ставили суверенитет и принцип невмешательства, оговоренный в Ст. 2(7), в десятый план, рассматривая восстановление международного мира и стабильности в приоритете организации.

За 1945-1990гг. было всего несколько исключений.

1. вторжение Индии в Восточный Пакистан в 1971г.;
2. вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978-1979гг. для свержения геноцидального режима Пол Пота;

* Аспирант Российско-Армянского (Славянского) университета.

¹ Цит. по: *Аннан К.*, Размышления о проблеме вмешательства, Дитчли Парк, Соединенное Королевство, 26 июня 1998г., <http://www.un.org/russian/basic/sg/interven1.htm>.

3. интервенция Франции в гражданскую войну в ЦАР для прекращения массовых нарушений прав человека режимом президента Бокассы в 1979г.;
4. вторжение Танзании в Уганду в 1979г. для свержения режима Иди Амина.

Ни одна из перечисленных интервенций не была официально осуждена СБ ООН, в основном из-за угрозы вето того или иного постоянного члена (далее – П5) СБ ООН. Интересно также отметить, что ни одна из стран-интервентов не использовала терминологию «гуманитарной интервенции» (далее – ГИ) в качестве правового обоснования интервенции, хотя все без исключения приводили в свое оправдание именно проблему геноцидов, этнических чисток и других видов массовых, систематических и грубых нарушений международно признанных прав человека. В описываемый период имели место еще и американские интервенции в Доминиканскую Республику и Гренаду, но эти кейсы вмешательства не имеют необходимых характеристик для ГИ.

Принцип национального суверенитета, как известно, зародился после Вестфальского мирного договора 1648г. Вестфальская система МО признала «суверенное государство» в качестве базисной единицы мировой политики. Эта же система ввела на международную арену две очень важные категории: «государственные интересы» и право на превентивную войну ради защиты «государственных интересов».

Авторство термина «суверенитет», как известно, приписывается французскому ученому XVIв. Ж.Бодену, который в зависимости от принадлежности суверенитета определял три формы государства: монархия, аристократия, демократия, каждая из которых предполагала абсолютное отсутствие влияния иностранных держав во внутреннюю и внешнюю политику суверенного государства. Такое толкование суверенитета за последние 50 лет подверглось существенным трансформациям, и сегодня трактовать этот термин в понимании XVIIв. нецелесообразно. Даже «суверенитет» в понимании начала XXв. – уже во многом устаревшая категория. Сегодня, когда некоторые страны мира осуществляют ГИ и полномасштабные военные кампании практически во всех частях света, причем без обязательного мандата СБ ООН, когда свергаются правительства – говорить о суверенитете практически бессмысленно. В новом понимании следует не только по-иному трактовать эту категорию, необходимый атрибут государственности, но, наверное, для него нужно придумать новое содержание. Известный американский политолог Збигнев Бжезинский считает, что единственной страной-сувереном в начале XXIв. остались только США. «Сегодня Америка — самая суверенная страна в мире, – пишет он. – Конечно, в

наше время понятие суверенитета в значительной степени размыто из-за постоянно растущей взаимозависимости государств, и для большинства из них это скорее юридическая фикция» [1]. В настоящее время многие страны решают проблемы своей безопасности и поддержания суверенитета с помощью региональных интеграционных образований, предоставляющих всем участникам больше возможностей в отстаивании своих интересов. В большей степени это касается малых государств, у которых объективно меньше возможностей для беспрепятственного развития в мире *realpolitik*. Синонимичным понятием суверенитета, пригодным для нашей дискуссии, может стать термин «автономность». Ни в XVII или XIX вв., ни в нашем веке индивидуальные страны не оказывались самодостаточными и всегда были в зависимости от ресурсов, поддержки или по вопросам безопасности, зависимыми от других стран или коалиций. Одобренная на заседании Совета национальной безопасности при президенте РА 26.01.2007 Стратегия национальной безопасности РА констатирует, что Армения видит один из компонентов обеспечения своей нацбезопасности международную вовлеченность в разного рода интеграционные сообщества. Таким же образом решают задачи своей безопасности и другие страны. Следовательно, все они готовы отказаться от определенных атрибутов своего суверенитета в пользу некоего наднационального сообщества государств, тем самым делегируя обязанности обеспечения безопасности этим структурам, которые выполняют означенные функции *коллективными мерами* всех стран-участников. По нашему мнению, текущий, только образующийся миропорядок можно назвать эпохой «*коллективного суверенитета*», когда страны объединяются в региональные экономические, военные союзы, тем самым выступая на международной арене с еще более прочных, сильных позиций и неся коллективную ответственность перед своими гражданами¹. Следовательно, готовность многих стран отказаться от важнейших атрибутов суверенитета показывает, что сама эта норма претерпевает существенные метаморфозы, которые мы должны тщательно исследовать.

Одновременно с этими подходами начиная с середины 1990-х гг. стала активно выдвигаться на первый план концепция так называемого «*ограниченного суверенитета*», которая подразумевает собой право третьих стран вмешиваться во внутренние дела государств по гуманитарным соображениям, для предотвращения действующих или потенциальных гуманитарных катастроф. Многие авторы в настоящее время склонны представлять суверенитет государства как неабсолютную ценность, которая все больше находится в зависимости

¹ Подробнее см: Тер-Арутюнян Г., Суверенитет и глобализация, НОФ «Нораванк», 26.07.2007, http://noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=3124.

от качества и эффективности правления центральных властей и степени их уважения основных прав и свобод человека. Продолжая дискуссию о новом характере нормы суверенитета, австралийский профессор Т.Коади пишет, что концепция «абсолютного суверенитета» в понимании Вестфальского мира опасно устарела, будучи подорванной экономическими и информационными процессами под знаменем такого феномена, как «глобализация». Согласно его трактовке, нации-государства в настоящее время должны обладать только «условным суверенитетом» (*conditional sovereignty*), рамки которого зависят от уровня соблюдения прав и свобод человека [2, pp. 20-21]. Генеральный секретарь ООН К.Аннан на 54-ой сессии ГА в сентябре 1999г. вообще заявил, что «[Понятие] государственный суверенитет... претерпевает изменения силами глобализации и международного сотрудничества. Государство сегодня многими понимается как слуга своего народа, а не наоборот»¹. Не соглашаясь с такими трактовками, профессор Стенфордского университета С.Креснер (*Stephen D. Krasner*) отмечает, что некоторые авторы путают понятия «управление» (*control*) и «власть» (*authority*) [4]. С.Креснер различает 3 типа суверенитета. Во-первых, это внутренний суверенитет, который является содержанием всей логики государственности. Во-вторых, речь идет о так называемом международно-правовом суверенитете (*international legal sovereignty*), иначе говоря, о том, признается ли данное государство другими субъектами международного права, имеет ли оно равный юридический статус среди других, признается ли право дипломатического иммунитета для его представителей за рубежом [5, pp. 10-16]. В-третьих, Креснер различает вестфальскую модель суверенитета, которая, согласно его трактовке, зиждется на двух условиях – территориальности и исключении всякого влияния внешних акторов на структуры национальной власти [5, pp. 20-22]. Иными словами, как замечает Дж.Джоффе, это принцип невмешательства во внутренние дела [4]. Акцентируя свое внимание на последней дефиниции суверенитета, наше исследование утверждает, что в современной системе МО «суверенитет» все чаще понимается как условный феномен. Он связан с внутренней легитимностью власти и требует от правительства соблюдения в отношении своих граждан по крайней мере минимального благополучия и уважения тех прав человека, которые правительство признало таковыми, подписывая те или иные международные конвенции. По нашему мнению, абсолютно справедливо ставит вопрос «условности» суверенитета Майкл Смит в эссе «*Humanitarian Intervention: An Overview of the Ethical Issues*», где пишет, что «... государ-

¹ *Kofi Annan, Secretary-General Presents His Annual Report to General Assembly* – стенограмма выступления на 54-ой сессии ГА ООН, 20 сентября 1999г., пресс-релиз no. SG/SM/7136/GA/9596, <http://www.un.org/News/Press/docs/1999/19990920.sgs7136.html>, а также [3].

ство, которое является репрессивным и нарушает автономность и неприкосновенность своих подданных утрачивает [право] морального притязания на полный суверенитет. Таким образом, либеральная этика мирового порядка ставит принцип государственного суверенитета в зависимость [фактора] признания и уважения прав человека» [6, pp. 271-295].

В дискуссиях о месте и значении суверенитета в современной системе МО особое место должна занимать проблема «носителя» или «источника» этого суверенитета, о котором говорил еще Ж.Боден в своих рассуждениях. Российский ученый Т.Бордачев, например, рассматривает носителем «суверенитета» государственные структуры, тем самым исключая любые попытки ревизии нормы невмешательства, что, по нашему мнению, является существенным недостатком его работы [7]. Между тем краеугольный камень международного права – Устав ООН – был принят от имени народов объединенных наций и однозначно признает носителем суверенитета народ государства, а правительства подписали Устав *от имени* своего народа. Так, К.Аннан в уже упомянутом выступлении подчеркивает, что «Устав (ООН) был принят именем “народов”, а не правительств, Объединенных Наций. Его цель не только в сохранении международного мира, ... но и в решимости “вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности”. Устав ... никогда не предназначался для того, чтобы служить правительствам лицензией на попрание прав человека и человеческого достоинства. Суверенитет предполагает ответственность, а не просто власть»¹.

В научной среде существует немало сторонников позиции, согласно которой государство получает свою легитимность и суверенитет по воле населяющего ее народа, и они не являются неотъемлемым атрибутом государств, но вытекают из совокупности прав личности. Как показывает наше исследование, суверенитет в противопоставлении с правами человека не может преобладать.

Такое понимание взаимосвязи прав человека и принципа невмешательства с началом 1990-х гг. находит отражение в резолюциях СБ ООН. Как пишет М.Дойл, в начале 1990-х затяжные гражданские войны все чаще оценивались как «угроза миру» [8, pp. 4-6], и международное сообщество в лице ООН все активнее вовлекалось в разрешение таких кризисов с использованием миротворцев. Таким образом, апеллирование к Главе VII снимало обязательство государств по норме невмешательства, приписанной в Статье 2(7). Резолюции СБ ООН по Главе VII обладают преимущественной силой (*overriding authority*) по отношению к нормам суверенитета и невмешательства (Ст. 2(7)), если суверенитет стоит на пути выполнения СБ ООН его приоритетной обязанности – сохра-

¹ Аннан К., Размышления о проблеме вмешательства, , <http://www.un.org/russian/basic/sg/interven1.htm>.

нить международный мир и безопасность. Так, резолюция СБ ООН 688 (апрель 1991) о репрессиях курдского населения Ирака является одним из первых усилий ООН приравнять массовые нарушения прав человека к своим обязанностям и ответственности для поддержания международного мира и безопасности в соответствии с нормами Устава. Это был уникальный случай, когда СБ ООН признал, что последствия попрания прав человека могут стать теми факторами, которые представляют угрозу международному миру и безопасности¹. Другой пример той же взаимосвязи – резолюция СБ ООН 787 (1992), определившая, что ситуация в Боснии и Герцеговине, в частности, этнические чистки и страдания людей «представляют собой угрозу миру»². С активным процессом трансформации международных отношений в 1990-х гг. СБ ООН все чаще принимает резолюции по Главе VII, тем самым нанося ущерб Ст. 2(7) по части нормы невмешательства. Все резолюции и международная ситуация вокруг косовского конфликта представляет собой идеальный пример для исследования данного феномена. С углублением кризиса на территории Югославии в связи с ситуацией в Косово очередная резолюция СБ ООН 1199 (сентябрь 1998) признала международную ответственность Югославии за создание условий, которые заставили людей стать беженцами. Все еще подтверждая территориальную целостность Югославии, резолюция больше подчеркивает вопросы прав человека во внутреннем вооруженном конфликте³. Другой пример уже из новейшего времени – вспыхнувшая в 2003г. гражданская война в Судане «просочилась в соседние Чад и Центрально-Африканскую Республику», тем самым представляя собой еще большую угрозу региональному миру и стабильности⁴. Конечно, во всех этих случаях СБ ООН использовал все свои доступные ресурсы для адекватного соблюдения своих обязанностей по поддержанию международного мира и стабильности. Но, к сожалению, бывали и такие случаи, например Босния, когда расквартированные миссии не смогли выполнить свои цели и задачи.

Самым красноречивым аргументом интервенционистов остается обоснование в политических разногласиях внутри П5 как главной причины, опираясь на которую, ключевые страны показывают готовность к односторонним действиям по предотвращению эскалации кризиса с широко распространенными нарушениями прав человека. *Упреки СБ ООН в бездействии (в неэффективной реакции или же неспособности реализовать принятую резолюцию) лежат в основе теории ГИ*, где те, кто верит в существование R2P, выступают за юнилатерализм, с тем, *чтобы достичь стабильного мира через войну*. С другой сторо-

¹ UNSC Resolution Resolution 688 (1991), <http://www.fas.org/news/un/iraq/sres/sres0688.htm>.

² UNSC Resolution 787 (1992), <http://daccess-ods.un.org/TMP/2751350.40283203.html>.

³ UNSC Resolution 1199 (1998) <http://www.un.org/peace/kosovo/98sc1199.htm>.

⁴ UN News Centre, July 31, 2007, <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=23379&Cr=sudan&Cr1=>.

ны, существование данной доктрины является неким призывом для реформы СБ ООН, чтобы сделать его более эффективным и надлежаще функционирующим. На самом деле, гегемония США, односторонний милитаризм и другие действия принудительного характера по всему миру довольно вредны для имиджа и авторитета ООН как универсальной организации, имеющей право на законное применение силы. По существу, после вторжения в Ирак в сентябре 2003г. на саммите ГА ООН К.Аннан предложил «радикальным образом реформировать этот мировой орган»¹. Наряду с трансформациям на международной арене доклад Группы высокого уровня ООН от 2004г. предложил иные правила чтения Устава, подчеркнув, что «Устав ООН направлен на защиту всех государств не потому, что они хорошие по своей природе, а потому, что они необходимы для обеспечения достоинства, справедливости, благосостояния и безопасности их граждан»².

В состоянии ожидания реформы, тем не менее, произошли некоторые изменения. Создание параллельными резолюциями ГА ООН А/60/180³ и СБ ООН-1645⁴ *Комиссии по миростроительству (Peacebuilding Commission)* было попыткой укрепить превосходство ООН в вопросах, которые по существу считаются подмандатными Совету Безопасности. Новый орган был создан как межправительственная консультативная структура, призванная поддерживать разработку комплексных стратегий устойчивого развития постконфликтных государств. Оценивая весь полезный потенциал ООН в этом контексте, М.Бердал, например, приходит к заключению, что «ООН, по всей вероятности, в обозримом будущем останется ключевым игроком в данной области (миростроительства – *О.Н.*)» [9, pp. 135-136]. Комиссия ООН была учреждена с определенной повесткой, элементами которой были: 1) сведение воедино всех соответствующих сторон, включая международных доноров, международных финансовых учреждения, национальные правительства, страны, предоставляющие войска; 2) мобилизация ресурсов; 3) рекомендации и предложения комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления и, при необходимости, привлечение внимания к любым проблемным областям, способным подорвать мир»⁵.

¹ Secretary-General Kofi Annan, «Address to the General Assembly», Sept. 23, 2003, <http://www.un.org/webcast/ga/58/statements/sg2eng030923>.

² Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (А/59/565 + Corr.1), параграф 30, ООН 2004г. <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm>.

³ United Nations General Assembly Resolution 60/180, adopted 30 Dec 2005 <http://www.undemocracy.com/A-RES-60-180.pdf>.

⁴ UNSC 1645 S-RES-1645(2005) on 20 December 2005, [http://www.undemocracy.com/S-RES-1645\(2005\).pdf](http://www.undemocracy.com/S-RES-1645(2005).pdf).

⁵ <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/>.

Здесь мы должны обратить внимание на Статью 24 Устава ООН, в которой говорится, что СБ ООН «несет *главную* ответственность за поддержание международного мира и безопасности», но отнюдь не «*единственную*» или «*эсклюзивную*». В более широком смысле это означает, что региональные организации или та же самая ГА ООН в исключительных случаях могут организовать ГИ, если разрастающийся кризис является угрозой для действующего государства или коалиции государств или при наличии просьбы (согласия) со стороны целевой страны. Имея это в виду, некоторые будут утверждать, что такого рода интерпретации Устава ООН приведут нас к международной анархии. Например, бывший генсек К.Аннан однажды заметил, что «пока СБ ООН не будет восстановлен в своем превосходящем статусе единственного источника легитимности для применения силы, все мы будем на опасном пути к анархии» [цит. по 10, р. 221]. *Так как практика государств формирует теорию международных отношений и международное право*, как нам кажется, операция в Косово должна была явиться началом конца или прелюдией к анархии, чего не случилось. После операции 1999г. международные отношения не подверглись краху, а уже сегодня признанная более чем 70 государствами Республика Косово является действующим новым членом межгосударственных отношений.

Есть и другой прецедент, показывающий неуникальный статус СБ ООН в таких вопросах. Например, ГА ООН в своей резолюции 377(1950), известной под названием «Единство во имя мира» (*Uniting for Peace*) страны-члены недвусмысленно заявили, что «если СБ ООН ... не удалось выполнить свою главную ответственность по поддержанию международного мира и безопасности ... ГА ООН должна немедленно рассмотреть этот вопрос с целью выработки соответствующих рекомендаций для коллективных мер, в том числе ... с использованием вооруженной силы, когда это необходимо»¹. Другая резолюция ГА ООН, известная под названием Манильской декларации о мирном разрешении международных споров (резолюция 37/10, от 15.11.1982), признала право ГА ООН обсуждать любые ситуации, которые ставят под угрозу международную безопасность, и напоминала всю «важность поддержания и укрепления международного мира и безопасности [между государствами] ... независимо от их политических, экономических и социальных систем или уровней экономического развития»². Это превознесло состояние мира и стабильности в международных отношениях Вестфальского стиля превыше всего. Другие две резолюции, которые тесно связаны с этой идеей, это Резолюция 43/51 от 5.12.1988 (Декларация

¹ UNGA Resolution 377, «Uniting for Peace», adopted November 3, 1950, [http://www.undemocracy.com/A-RES-377\(V\).pdf](http://www.undemocracy.com/A-RES-377(V).pdf).

² Manila Declaration on the Peaceful Settlement of International Disputes (1982), UNGA resolution A/RES/37/10.

о предотвращении и устранении споров...) и Резолюция 44/21 от 15.11.1989 (Укрепление международного мира, безопасности и международного сотрудничества).

Очевидно, что массовые и грубые нарушения прав человека в новейшее время являются именно тем фактором, который все глубже и основательнее подрывает норму невмешательства и суверенитета государств. Конечно, сказанное никоим образом нельзя соотнести к *норме суверенного равноправия государств на международной арене*, которые, будучи членами ООН, обладают универсальными правами и обязанностями. Но здесь речь идет о правительствах, которые, допуская массовые и грубые нарушения международно признанных прав человека, утрачивают основы своего внутреннего суверенитета и легитимности для международного сообщества, а норма невмешательства становится, в известной степени, относительной, иначе говоря, зависимой от других, более системообразующих норм и тенденций.

Эти тенденции можно легко представить в конфликтах 1999-2008гг., когда международное сообщество – будь то с санкции СБ ООН или без – вмешивалось во внутренние дела суверенных государств, с целью создания условий для появления эффективного государства, защиты прав человека и человеческого достоинства. Государства, лидеры которых допускали или же сами организовывали преступления против своего населения, в свое время ратифицировали все основополагающие конвенции и протоколы международного гуманитарного права, а следовательно, международная ответственность за неподчинение запретам и другим нормам права не заставили себя долго ждать. Хотя исследуемые конвенции международного гуманитарного права, такие как Всеобщая декларация прав человека (1948), не имеют, в строгом смысле, обязательной характер для выполнения всеми государствами, тем не менее все большее количество государств в своей внутренней и международной политике придерживается этих стандартов. В дискуссиях об обязательном характере этих деклараций и конвенций, по нашему мнению, очень важное место занимают международные уголовные (частные) трибуналы и Международный уголовный суд, которые, согласно частным (*ad hoc*) резолюциям СБ ООН или же Римскому статуту, имеют юрисдикцию преследовать нарушителей международных законов и обычаев, которыми обычно становятся бывшие главы государств и члены их правительств. Уставы этих трибуналов и Статьи 5-9 Римского статута предлагают перечень тех преступлений (агрессия, геноцид, военное преступление или преступление против человечности) с наиболее точными определениями и характеристиками, которые и выступают обвинениями против бывших диктато-

ров и тиранов¹. Наличие таких трибуналов и суды над бывшими диктаторами являются еще одной вехой в развитии действующей системы международных отношений. Однако тут не обходится без проблем. Известно, что международные трибуналы играют двоякую роль, так как зачастую их юрисдикция бывает достаточно ограничена и является предметом политического торга между странами П5 в СБ ООН или в других институтах. Так, за все зверства, массовые и систематические нарушения прав человека и регионального мира и безопасности президент Либерии Ч.Тейлор (*Charles Teylor*) в 2006г. предстал перед международным трибуналом в Гааге, где ему предъявили обвинения в преступлениях против человечности по 11 пунктам, однако не по самым главным статьям *политических* обвинений. В основе дела против Тейлора лежит обвинение в преднамеренном развязывании гражданской войны в Сьерра-Леоне, так как у трибунала нет юрисдикции, чтобы обвинять Тейлора за его действия внутри самой Либерии². Некоторые авторы и сами обвиняемые часто бойкотируют судебный процесс, заявляя, что они сами неподсудны ни для каких трибуналов, будучи защищенными международным правом. Однако, несмотря на протесты и неполное (половинчатое) соответствие с международным правом, международная практика берет верх в частных случаях, тем самым внося коррективы в устоявшиеся традиционные правила.

Международное право в целом очень осторожно относится к соблюдению режима невмешательства и уважению суверенитета. Статья 2(4) Устава ООН гласит, что «все Члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства»³. Применение силы допускается исключительно в 2 случаях, которые описаны в Статье 51 (самооборона) и Главе VII (угроза международной безопасности) Устава ООН. Между тем считается, что, например, акты геноцида, описанные в Конвенции ООН от 1948г., обязаны стать тем фактором, который подтолкнет другие (в большинстве своем – демократические) страны к осуществлению вооруженного вмешательства во внутренние дела государства, т.е. к «гуманитарной интервенции». Это обязательство не имеет юридически закрепленного выражения в виде нормы или закона, но полностью опирается на современный высокий уровень развития мирового сообщества с его международными филантропическими организациями, которые призваны предотвращать такие катастрофы. Многие авторы, в том числе профессор университета Дж.Вашингтона Ш.Мерфи (*Sean D.*

¹ Rome Statute of International Criminal Court – <http://untreaty.un.org/cod/icc/statute/rome.htm>.

² Чарльз Тейлор дал первые показания, <http://www.gzt.ru/topnews/politics/249406.html> 16.07.2009.

³ Устав ООН, <http://www.un.org/ru/documents/charter/>.

Murphy), утверждают, что ряд фундаментальных прав человека (право на жизнь, запрет пыток, геноцида и рабства, а также принцип недискриминационной внутренней политики) являются обязательствами *erga omnes*, т.е. обязательствами каждого государства соблюдать их по отношению ко всем другим государствам [11, pp. 71-75]. Но, как справедливо отмечает тот же Ш.Мерфи, «до настоящего времени... понятие “обязанность вмешиваться” со стороны ООН, региональных организаций или [отдельного] государства не вписана в международное право» (об этом далее) [11, p. 295]. Другой автор, Саймон Дюк (*Simon Duke*), предлагает несколько иной подход, утверждая, что существуют «три общих подхода к вопросу о правомерности гуманитарного вмешательства: ограничители, которые утверждают, что ГИ является нарушением территориальной целостности и политической независимости государств; сторонники традиций естественного права, утверждающие, что такие действия являются допустимыми в соответствии с Уставом ООН, так как ООН приняла явную приоритетность защиты прав человека и применение силы в таких случаях более важно, чем угрозы территориальной целостности государств; наконец те, которые принимают [правомерность] ГИ при условии, что оно проводится на коллективной основе, тем самым выражая волю международного сообщества» [12, pp. 25-48]. Французский исследователь Э.Шевалье (*Eric Chevallier*) тоже апеллирует к возможности коллективного принятия решений, поскольку, как пишет он, «есть меньшая вероятность ошибиться коллективно» [13, pp. 87-89]. Президент известного американского *think-thank*-а «Совет по международным отношениям» Р.Хаас справедливо отмечает, что «указание на то, что внешние силы имеют право и даже обязаны вмешиваться с целью помочь людям, сталкивающимся с грубой силой правительства или группы сограждан, ... отражает формирование нового отношения к нерушимости государственного суверенитета» [14, p. 12].

В целом, стоит отметить, что отношение ученых к феномену ГИ зависит от их принадлежности к реалистической или идеалистической (либеральной) школе [6, pp. 63-79]. Например, Стивена Гаррета (*Stephen Garret*) можно причислить к сторонникам либеральных взглядов, так как он дает следующее определение ГИ: «инъекция вооруженной силы – или же угроза такого действия – одним или многими государствами в дела другого государства с целью (или одной из главных целей) облегчения серьезных человеческих страданий» [15, p. 3]. Это определение является «образцовым» среди сторонников идеалистической концепции, так как они видят первопричину таких операций в массовых нарушениях прав человека, а государства в данной парадигме действуют в основном из чувства сострадания.

Уже в сентябре 1999г., после операции НАТО в Югославии «Союзная сила» (*Operation Allied Force*, март-июнь 1999г.), Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что суверенитет может быть нарушен гуманитарной интервенцией в случае массовых нарушений прав человека¹. Международные отношения претерпевают метаморфозы после каждого значимого события в международном праве и политике. Если началом нового этапа такой политики выше уже была названа операция «Союзная сила», то краеугольным камнем в фундаментальных изменениях сущности межгосударственных отношений с правовой точки зрения можно в некоторой степени считать начало 1970-х гг., когда приходит конец короткому периоду стабильности международного права, установившемуся после Второй мировой войны. Если ужасы нацизма в годы Второй мировой привели к принятию «Всеобщей декларации о правах человека» и «Конвенции о геноциде», то начало новой волны унификации международного права с принципами справедливости и гуманизма было положено в 1970г. принятием «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» и «Заключительного акта» Хельсинского совещания СБСЕ, подписанного главами 35 государств 1 октября 1975г., в том числе США и СССР. В основу хельсинкских договоренностей легли так называемые «три корзины» с разновекторными целями по предотвращению появления разделительных линий на Европейском континенте: безопасность, экономика, права человека. Из них отметим:

- контроль над распространением вооружений;
- дипломатические усилия по предотвращению конфликтов;
- меры по построению доверительных отношений и безопасности;
- *защита прав человека*² (курсив мой, – *О.Н.*).

Таким образом, *широкое распространение идей свободы и прав человека существенно изменили представления об одном из основополагающих принципов международного права – неизблемости государственного суверенитета*. Фактически, ГИ призваны решать проблему обеспечения основных прав и свобод человека, которые ныне перестали быть исключительной функцией государства и правительственных органов. Возникла новая, еще окончательно не оформившаяся отрасль международного права, которая рассматривает защиту прав и свобод личности как сферу интересов всего мирового сообщества, а не

¹ Edward Luttwak, Kofi's Rule, The National Interest, Winter 1999/2000, № 58, http://findarticles.com/p/articles/mi_m2751/is_1999_Winter/ai_58381622/ (дата доступа: 05.01.2011).

² Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1 августа 1975 года, www.osce.org/item/4046.html?lc=RU (дата доступа: 05.01.2011).

только одного суверенного государства (тот же уже названный принцип *erga omnes* обязательств). Развитие современной теории международного права привело к тому, что права личности стали приоритетнее интересов социума, фактически снижая значение «суверенитета» государств. Например, Ф.Тезон считает главной целью всех членов международного сообщества «наблюдение за тем, что фундаментальные права индивидов признаются и соблюдаются в каждой из [составляющих его] стран; поскольку цель государственной организации – это защита прав личности, и поскольку все стороны согласны с тем, что установленные правила взаимодействия между ними приемлемы и справедливы, целью сформированного таким образом международного сообщества... должна в числе прочих быть и защита прав индивидов» [16, pp. 65–66].

В случаях, когда единственный универсальный орган, ответственный за международную безопасность – СБ ООН, зачастую бывает парализованным из-за разногласий внутри П5, вызов противостояний кризисам оказывается в тупике. В попытке дать собственное видение путей выхода из таких тупиковых ситуаций, когда ООН оказывается неспособной к адекватному ответу кризисам или же предпринятые действия не привели к разрешению кризиса, а компетентная региональная организация лишена возможности эффективных действий или бездействует, профессор Гарвардского университета С.Хоффман (*Stanley Hoffmann*), например, пишет, что односторонняя интервенция остается единственной легитимной опцией. Альтернативный вариант – типичный для моралиста – предлагает профессор Т.Коади. По его мнению, из бесконечных «войн вето» СБ ООН может выйти, если: «...когда вето уже наложено, простое большинство постоянных членов или (всего) СБ ООН могли бы дать моральную авторизацию для интервенции» [2]. Известный американский философ М.Уолцер (*Michael Walzer*), профессор Института современных исследований Принстонского университета (*Institute for Advanced Studies, Princeton University*) является одним из самых известных сторонников гуманитарного вмешательства отдельного государства. Наиболее известен его принцип «Кто может, тот должен» (*Who can, should*), который в полной мере описывает взгляды автора [17]. Однако в отличие от других, М.Уолцер выступает категорически против интервенций, нацеленных на установление более предпочтительного политического режима и подавление авторитарных тенденций согласно американской доктрине распространения демократии. Автор считает наиболее предпочтительной борьбу с такими режимами изнутри – вероятно, с помощью финансирования и активной поддержки институтов гражданского общества, нежели вооруженную интервенцию извне, что с большей вероятностью подогреет националистические чувства в стране, подвергнувшейся интервенции и вызовет

длительное противостояние с еще большими жертвами, чем раньше. «Иностранные политики и солдаты с большой вероятностью могут неправильно оценить ситуацию, недооценить требуемые для ее изменения силы или стимулировать “патриотическую” реакцию в защиту жесткой политики или деспотическую практику», – пишет М.Уолцер. Таким образом, автор подводит к мысли, что до интервенции должен быть регламентирован не только круг участников, но и комплекс задач.

В дискуссиях о правомерности ГИ появляется и другой вопрос: является ли экстремизм или экстремистские методы национальной политики угрозой для региональной безопасности, поскольку некоторые региональные конфликты в наше время изначально подпитывались именно наличием сецессионных образований (Грузия, Молдова, АзССР). Имея это в виду, с политической точки зрения все еще остается открытым вопрос о том, можно ли в одностороннем порядке бороться с экстремизмом за пределами своих признанных границ (данное положение исключает кейсы вроде Чечни) без соответствующего мандата со стороны СБ ООН. Очень интересную позицию в этом вопросе занимает проф. Ш.Мерфи. Согласно его трактовке, международное право признает «нарушением прав человека» только нарушения международно признанных прав человека *правительствами*, хотя такие действия не обязательно должны быть из-за целенаправленных действий правительства – по разным причинам, варьирующимся от недееспособности правительства до его кризисного характера. По мнению Мерфи, таким образом вне рамок регулирования международным правом остаются случаи, связанные с повстанцами и революционными силами внутри государства, которые могут контролировать часть страны и находиться вне влияния законного правительства. Еще более сложные случаи возникают, когда правительственные или незаконные формирования препятствуют поставкам гуманитарных грузов в регионы, где население страдает от затяжной гражданской войны. Исходя из этого, Ш.Мерфи использует формулировку «широко распространенные нарушения международно признанных прав человека (*widespread deprivations of internationally recognized human rights*)», чтобы как можно шире охватить спектр условий, возникающих вследствие угрозы правам человека [11, р. 18]. В докладе датского Института международных отношений авторы придерживаются позиции, согласно которой в процессе развития норм международного права от «Всеобщей декларации прав человека» (1948) до «Конвенции о правах ребенка» (1989) значение и важность статьи 2(7) Устава ООН довольно уменьшились в пользу защиты фундаментальных прав человека [17, р. 51].

Достаточно широко обсуждаемым вопросом является соотношение истинно «гуманитарных мотивов» и «национальных интересов» той или иной страны при принятии решения об участии или же единоличном санкционировании вооруженной интервенции в третьей страны. Отдельные ученые, такие как Стенли Хоффман, уверены, что феномен «национального интереса» многими понимается очень узко и хотя бы в демократических странах национальные интересы требуют, чтобы геноциды и массовые и грубые нарушения универсальных прав человека не допускались ни в одной стране мира¹. «В особенности для демократических стран «национальный интерес» имеет этический компонент», – пишет С.Хоффман [19, р. 161]. Уже после войны в Югославии в 1999г. Дж.Най пишет в американском журнале «*Foreign Affairs*», что в создавшейся ситуации концепция «национального интереса» не может быть признана полной без «гуманитарной» составляющей [20, pp. 24-26]. С другой стороны, будет справедливо отметить, что всякая интервенция, тем более вооруженная, означает фундаментальное вмешательство во внутренние дела другого государства, что само собой противоречит основным принципам действующего международного права (в строгом толковании) о суверенитете. Тем не менее разные могущественные государства (в частности, США, Великобритания, Франция и их союзники) продолжают практику прагматичного использования интервенции в качестве инструмента проведения своей внешней политики. Приоритетная роль национальных интересов едва ли уменьшается ввиду наличия тех универсальных норм, которые призваны защищать страны-интервенты. Однако, соглашаясь с идеей Дж.Найя, выраженной в выше упомянутой статье, как нам кажется, нельзя недооценивать характер внутривнутриполитической системы государств-интервентов, которая зачастую является одним из важнейших движущих факторов для принятия решения о ГИ. Если парадигма *realpolitik* была чуть ли не единственной теорией международных отношений в эпоху Холодной войны, то либеральная теория по-настоящему «вступила в силу» в 1990-х гг., когда окончание Холодной войны совпало с прорывом в сфере информационных технологий. Например, У.Боттчер (*William Boettcher, III*) обращает внимание на так называемый «*эффект CNN*», придавая огромное значение степени информированности населения США о текущих процессах в международных отношениях для того, чтобы они, сформировав адекватное общественное мнение, стали оказывать влияние на власти для предотвращения гуманитарных катастроф. У этого подхода немало критиков. В их пользу говорит то обстоятельство, что, например, убийство 8000 боснийских мусульман на этнической почве в Сребренице было охарактеризовано как геноцид, убийство в 100 раз большего количества

¹ См., например, [16, р. 104] или [19].

людей в Руанде в 1992-94гг. называется просто результатом «межэтнических столкновений народов тутси и хуту»¹. Другой пример – разница миротворческих сил в Косово и Конго: 30.000 миротворцев из НАТО в Косово и 10.000 в Демократической Республике Конго, при том, что Косово имеет население в 2.4 млн., а в Конго примерно 57млн., и здесь вследствие войны с 1998г. умерло почти 3.5 млн. человек².

Последним, но не менее важным аргументом, который мы должны обсудить, является наличие в национальных законодательствах некоторых государств вида преступления, называемого «неоказание помощи человеку, находящемуся в опасности». Об этом довольно точно рассуждает Ш.Мерфи в своей известной книге «Гуманитарная интервенция...» [1, pp. 294-297]. Эта норма в наши дни все чаще ассоциируется с теми постулатами, на которых основывается доктрина ГИ или же ее новый вид – политика *R2P*. Как свидетельствует К.Аннан, в апреле 1991г. президент Франции Ф.Миттеран, выступая перед СБ ООН, призывал Совет вмешаться во внутренние дела Ирака ради спасения курдов. По словам Миттерана, тогда «впервые применение принципа невмешательства достигло своего предела, за которым оно могло стать неоказанием помощи народу, находящемуся в опасности. Вот в чем, дамы и господа, вся суть “принципа вмешательства”»³.

В конце 1980-х гг. Б.Кушнер, будучи еще довольно далек от какого бы то ни было портфеля во французском правительстве, изобрел новый термин о «долге вмешательства» (*le devoir d'ingerence*). Еще тогда сотрудник благотворительной организации «Врачи мира», Б.Кушнер утверждал, что неправительственные организации обязаны пересекать государственные границы с разрешения соответствующих правительств или без такового для оказания помощи жертвам стихийных бедствий или других чрезвычайных ситуаций. Как отмечает К.Аннан, такое право «впоследствии было признано в двух резолюциях ГА ООН», в частности, в резолюции 43/131 от 8.12.1988 (*после разрушительного землетрясения в Армении*)⁴.

¹ <http://ru.euronews.net/2010/08/10/kagame-edges-closer-to-rwanda-election-win>.

² Ruffin F.A., 10 Stories The World Should Hear More About; UN Chronicle, Issue 2, 2004, <http://www.un.org/Pubs/chronicle/2004/issue2/0204p10.asp>.

³ Аннан К., Размышления о проблеме вмешательства, <http://www.un.org/russian/basic/sg/interven1.htm>.

⁴ Резолюция ГА ООН 43/131, от 8 декабря 1988г. <http://www.un.org/russian/basic/sg/r43-131.pdf>.

Вместо заключения

Подытоживая все точки зрения, нормы и принципы международного права и правоприменительной практики государств 1999-2008гг., можно утверждать, что Республика Армения после обретения независимости использовала свое право (обязанность) гуманитарного вмешательства за пределы своих международно признанных границ с целью остановить грубые и массовые нарушения прав человека в непризнанном образовании Нагорно-Карабахская Республика, граждане которой подвергались этническим чисткам и другим формам агрессии со стороны бывшей метрополии – Азербайджана. Армения осуществила одностороннее ГИ, так как другие государства, в том числе Россия, США и проч., не желали или были не способны открыто вмешаться в конфликт *от имени страдающего населения НКР*, исходя из своих национальных интересов. Этнические чистки в Сумгаите, Баку и Кировабаде (1988-1990), акты геноцида (Марага, 1992) и другие военные преступления, а также армянофобская государственная политика в Азербайджане в наши дни и призывы «очистить» Арцах от армян и «уничтожить Армению»¹ еще более усиливают аргументационную базу РА и НКР в переговорном процессе. Все четыре резолюции СБ ООН в 1993г. относительно конфликта в Нагорном Карабахе признавали, что ситуация в зоне конфликта представляет угрозу международному (региональному) миру и безопасности (*this situation endangers peace and security in the region*)². Страны-члены СБ ООН не смогли оказать помощь страдающему населению НКР и не вышли за рамки политических призывов остановить насилие. Принимая во внимание активную поддержку теориям ГИ и *R2P* в ведущих государствах мира, в научном сообществе, нужно признать, что Армения в данном конфликте действовала, как «ключевое государство» (*Pivotal state*), которое приняло на себя международную ответственность по защите страдающего населения на соседней территории. По существу, правовые основы для этого были более чем достаточны.

Январь, 2011.

¹ См., в частности, речь МО АзР Сафара Абиева на совещании коллегии МО. Баку, 23.04.2010, 1NEWS.AZ, <http://www.1news.az/politics/20100424102112754.html>.

² UNSC Resolution 822 (1993) <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3b00f15764.html>.

Источники и литература

1. *Бжезинский Зб.*, Последний суверен на распутье, 10.03.2006, «Россия в глобальной политике», №1, январь-февраль 2006, http://www.globalaffairs.ru/number/n_6319 (дата доступа: 27.12.2010).
2. *Coady C.A.J.*, The Ethics of Armed Humanitarian Intervention, United States Institute of Peace, Peaceworks, №45, July 2002, <http://www.usip.org/>.
3. *Kofi Annan*, Two Concepts of Sovereignty, The Economist, 18 September, 1999.
4. *Joffe J.*, Rethinking the Nation-State: The Many Meanings of Sovereignty; November-December 1999, <http://www.foreignaffairs.com/articles/55618/josef-joffe/rethinking-the-nation-state-the-many-meanings-of-sovereignty>.
5. *Krasner S.D.*, Sovereignty: organized hypocrisy, Princeton University Press, 1999
6. *Smith M.*, Humanitarian Intervention: An Overview of the Ethical Issues // Ethics and International Affairs: A Reader, ed. Joel H. Rosenthal, Georgetown University Press, 1999.
7. *Бордачев Т.В.*, «Новый интервенционизм» и современное миротворчество // Моск. обществ. науч. фонд, М.: МОНФ: ИЦНиУП, 1998.
8. *Olara A. Otunnu, Michael W. Doyle*, Peacemaking and peacekeeping for the new century, International Peace Academy, Rowman & Littlefield publishing, 1998.
9. *Berdal M.*, Building Peace After War, The International Institute for Strategic Studies, 2009, New York, Routledge publications, <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/>.
10. *Alex J. Bellamy, Paul Williams, Stuart Griffin*, Understanding Peacekeeping, Polity Press, 2004.
11. *Murphy S.*, Humanitarian Intervention: The United Nations in an Evolving World Order, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1996.
12. *Duke S.*, The State and Human Rights: Sovereignty Versus Humanitarian Intervention, International Relations XII(2).
13. *Chevallier E.*, Lessons and ex-post legitimacy... // "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008.
14. *Haass R.*, Intervention. The Use of American Military Force in the Post-Cold War World. Washington (DC): Brookings Institution Press, 1999.
15. *Garrett S.*, Doing Good and Doing Well: An Examination of Humanitarian Intervention, Westport, CT: Praeger, 1999.
16. *Teson F.*, Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality. Irvington-on-Hudson: Transnational Publishers, 1997.
17. *Walzer M.*, The Argument about Humanitarian Intervention // *Walzer M.*, Polylog: Forum for Intercultural Philosophy, 2004.
18. Danish Institute of International Affairs, *Humanitarian Intervention: Legal and Political Aspects*, Submitted to the Minister of Foreign Affairs, Denmark, December 7, 1999.
19. *Hoffmann St.*, World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era, Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1998.
20. *Nye J.S., Jr.*, Redefining the National Interest, Foreign Affairs, vol. 78, №4, July-August, 1999.

STATE SOVEREIGNTY AND HUMAN RIGHTS IN ARMED CONFLICTS

Hovhannes Nikoghosyan

Resume

The key issue of this study is to identify the relationship between the principle of state sovereignty and internationally recognized human rights in armed conflicts. The study supports the hypothesis that the norm of sovereignty and non-interference in internal affairs of the state are not absolute but limited features, framed by the decline of legitimacy of the central government in the face of large-scale and systematic human rights violations, including systematic ethnic cleansings. The study also shows that the sovereignty now stands for "responsibility", and a refreshed approach to the norm of sovereignty in the effective world order, and is increasingly incorporated into the UNSC resolutions that have binding effect upon international relations and international law.